
Послевкусие

Избрать Церковь предметом богословского разбирательства, а именно такой ход предприняли авторы настоящего сборника, – решение довольно рискованное ввиду кажущейся очевидности предмета. В первом приближении, а таковым, как правило, и ограничивается довольно широкий круг читателей, церковь – явление, говорящее само за себя. Если мы предпримем гипотетический опрос среди людей, даже не сторонних, но интересующихся в какой-то мере религиозной тематикой, и зададим им вопрос: «Что есть церковь?», то с большой долей вероятности можем ожидать получения различных в своих акцентуациях и изящности дефиниций, но по сути равнозначных определений: «Предельно ясно, – скажет один, – церковь – это здание культового назначения»; другой поправит: «Это не просто здание, но место встречи для совместного отправления верующими религиозного культа»; третий, очевидно христианин, будет более конкретен: «Церковь – это место, где верующие поклоняются Богу»; а иной и вовсе усилит сказанное: «Церковь – это собрание верующих и место, где присутствует Бог». И все будут правы, утверждая в своих ответах Писание: «ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

Можно ли что-то добавить к сказанному Господом о Церкви? Можно ли придать дополнительную ёмкость Его Слову? Может ли богослов вообще что-то сказать о делах Господних и Слове Его, насколько будут ценны его слова?

Может! Но ровно настолько, насколько способен преодолеть искушение говорить от имени Бога и готов продолжать говорить от имени человека, которому открылся Господь в Сыне Божьем. Получив познание от Бога, человек не лишается права на слово своё, и не умаляется статус его слова, как не умаляется статус самого человека, обнаружившего в Господе свою истинную ценность. Напротив, слово человеческое приобретает особый вес, когда говорится теми, кто, всматриваясь во временное, способен видеть вечное. Тогда-то человек и становится богосло-

вом, ибо становится способным обнаруживать перед миром своё узнание, видение и понимание захватывающей дух мистерии – развертывающегося в человеческой истории Откровения Царства Божьего, воплощения в материи мира Его Слова.

На страницах этого сборника представлен опыт подобного рода, за которым чувствуется богословская практика, позволяющая увидеть манифестацию Божественного в Его человеческом измерении.

Особая ценность, которой обладают представленные в сборнике тексты и которая их объединяет не только содержательно, но и методологически, состоит в том, что они не являются повторением уже утвержденной Его Словом истины о Церкви, но выражают стремление увидеть Церковь как задуманный Творцом образ, почувствовать Церковь как Его желание, обретающее в своем воплощении плоть и кровь, а значит, и возможность быть и осуществляться. Воздвигаемый не в камне, но в плоти человеческой истории Храм Его Вечного Присутствия, с одной стороны, – авторитарный акт Божественной воли, а с другой, – не поддающееся пониманию бренного ума вверение и доверие Богом Своего предприятия в руки призванных, но ненадежных, в силу своей свободной природы, людей. Почему Бог позволил, чтобы рожденный в Нем образ Вечного Храма Его Присутствия был передан к воплощению несовершенным строителям, наделенным правом избрать собственные пути, воплощать собственные мечты, желания и образы, быть творцами и творить от собственной воли? Не потому ли так далеки оказываются плоды их труда, зачастую подписываемые именем Христа, Его Духу и Слову? Но именно такой путь избрал Господь, доверив нам, своевольным строителям, возведение Его Храма. В этом открывается Богочеловечность Церкви, раскрывающаяся в парадоксальной двойственности её природы – с одной стороны, задуманной и установленной на незыблемом камне Слова, несокрушимой и невозмутимой, но с другой, – распростертой во временах и пространствах истории, пластичной и подвижной, непрестанно меняющей свои формы, демонстрирующей миру метаморфозы священного образа.

Статья Михаила Дубровского есть попытка ответа на вопрос о том, как же удастся церкви оставаться Церковью, меняя лики культурных и исторических форм? Как удастся ей продол-

жать удерживать свои основания, постоянно подтачиваемые несовершенством человеческой природы, вызовами современности, различными трансформациями исторического контекста? Дубровский показывает, что благодаря соответствующим институтам Церковь способна форматировать свои основания в определенные константы, закрепляющие в изменчивых формах неизменяемые глубинные основания её бытия.

Как бы в продолжение, но с противоположного ракурса, Юрий Черноморец развивает тему констант церкви, задающих и скрепляющих содержание любой христианской традиции. Не все, что традиционно в церкви принимается как незыблемые константы, в частности, её критерии истины, восходит к предельному основанию бытия Церкви. Но именно потому, что такое основание есть, Церковь на различных этапах способна взойти к Нему и пересмотреть свои критерии истины, свои способы бого- и мировидения, сознательно или бессознательно заданные невосходящими к предельному истоку основаниями. Этим предельным основанием не может быть ничто иное, кроме как гора Фавор, на которую нужно взойти, подняться к месту встречи и преображения со Христом и друг с другом. Церковь осуществляется не иначе как через Встречу и Преображение.

Третий автор данной тетради Михаил Черенков проходит ещё дальше: «Наши сегодняшние обязательства и чаяния позволяют увидеть Церковь, свободно избирающую формы своего присутствия в мире; способную жить в гонениях, быть в меньшинстве; творчески обращающуюся с возможностями и материалом; избегающую ангажированности и соблазна симфоний. Это значит – мы видим Церковь свободную, творческую, открытую». Да, Церковь в своих проявлениях и формах задаётся историческими реалиями, но раз любящим Господа всё содействует ко благу, то давайте смотреть на это не как на подверженность влиянию мира и зависимость от вещественных начал, но как на ресурс, позволяющий раскинуть шатры, а может, нам удастся увидеть больше и понять, что у Церкви и вовсе нет другого тела, чем тело мира человеческого.

И в завершение – переливающаяся гранями россыпь эклексийных образов от пера Сергея Градировского. образов утверждаемых и тех, которым отказано войти. Все они – лики че-

ловеческие, от нашего, человеческого мира взятые, все живут в нас и нами же существуют. Ушедшие в историю, живущие ныне и те, которые ещё только предвкушаем увидеть, – все они задаются не кем-то до нас и поверх нас, но самими нами, людьми. Потому среди красивых и возвышенных есть и суровые организации, и сухие юрлица, и стёртые лица лепрозория, и даже они имеют место, ведь это всё наши образы человеческого, без которого ничто богочеловеческое не состоится. Апофазис в глубинном смысле – это не отказ, но указание на недостаточность, и вот эта недостаточность восполняется Фаворским Преображением. Изменился ли образ Христа в фаворском преображении? Нет, но обнажился до сути.

Нас, носителей этих многообразных образов, апостол называет домостроителями многообразной благодати Божьей, устрояющих из самих себя дом духовный. Каковы мы, таковы и образы Церкви во времени, а потому смена образов, метаморфозы – не патология, не уступка миру, а норма бытия богочеловеческого. Ведь посреди меняющей лики, перетекающей из образа в образ Церкви всегда есть место Фавору, месту встречи и преображения, где обнажаются сути всех образов, являя нам Царство. А потому особо ценна и волнительна высказанная Градиловским мысль с призывом «собраться не в Царстве уже кем-то без нас установленном, но самим собраться в Царство, соединившись непреодолимой силой единства в Сыне».

Во имя Христа, со Христом и во Христе, и со всеми нами.
Аминь.

*Ирина Скоробогатова,
MMXVI Anno Domini*

